

Нобелевская речь И.А. Бунина: история и критика текста

© 2024, А.В. Бакунцев, С.Н. Морозов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются все выявленные на сегодня варианты Нобелевской речи И.А. Бунина на французском и русском языках, созданные как писателем, так и третьими лицами в 1933–1950 гг., при этом источниками ее текста признаются только авторизованная машинопись на французском языке (1933) и авторские публикации в составе мемуарных очерков «Записи» (1936), “Comment j’ai reçu le Prix Nobel” («Как я получил Нобелевскую премию», 1947), «Нобелевские дни» (1950), “Journées du Prix Nobel” («Дни Нобелевской премии», 1950). По мнению авторов статьи, авторизованная машинопись может быть использована в качестве основного текста при подготовке Нобелевской речи к опубликованию в будущем Полном собрании сочинений и писем Бунина отдельно от перечисленных очерков, т. е. как самостоятельное произведение. В качестве методов исследования использованы принцип историзма и сравнительный анализ.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Нобелевская речь, французский текст, русский текст, авторизованная машинопись, авторские публикации, неавторские публикации, текстология.

Информация об авторах: Антон Владимирович Бакунцев — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7087-3235>

E-mail: auctor@list.ru

Сергей Николаевич Морозов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4986-3291>

E-mail: morozov.sn@yandex.ru

Для цитирования: Бакунцев А.В., Морозов С.Н. Нобелевская речь И.А. Бунина: история и критика текста // Литературный факт. 2024. № 3 (33). С. 213–242. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-213-242>

За помощь, оказанную при подготовке статьи, авторы выражают сердечную благодарность сотрудникам Российской государственной библиотеки, Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино, Государственного архива Российской Федерации, а также Р. Дэвису (РАЛ).

10 декабря 1933 г. в Концертном зале Стокгольма король Швеции Густав V вручил И.А. Бунину Нобелевскую премию по литературе «за строгое художественное мастерство, с которым он продолжил русскую классическую линию в прозе» [6, с. 353]. Несколько часов спустя на банкете, устроенном Шведской академией в стокгольмском «Гранд-отеле» в честь нобелевских лауреатов 1933 г., писатель произнес положенную по протоколу речь.

Согласно записи в «Грасском дневнике» Г.Н. Кузнецовой от 11 декабря 1933 г.,

И.А. <Бунин> говорил <...> очень поздно, после того как пронесли десерт <...>. Он говорил отлично, твердо, с французскими ударениями, с большим сознанием собственного достоинства и временами с какой-то упорной горечью. Говорили, что благодаря плохой акустике, радиоприемнику и непривычке шведов к французскому языку речь его была плохо слышна в зале, но внешнее впечатление было прекрасное. Слово “exilé”¹ вызвало некоторый трепет, но все обошлось благополучно [3, с. 292–293].

О впечатлении, которое бунинская речь произвела на участников торжества, сообщали и журналисты — в том числе корреспонденты эмигрантских газет «Последние новости» (Париж), «Сегодня» (Рига), «Новое русское слово» (Нью-Йорк) А. Седых (Я.М. Цвибак) и И.М. Троцкий. Например, А. Седых, сопровождавший Бунина в Стокгольме не только как журналист, но и как его литературный секретарь, свидетельствовал в отчете для «Последних новостей»:

Бунин тщательно подготовился к выступлению и речь свою сказал отлично, с большой силой, выразительностью, подчеркивая наиболее значительные места. Говорил он минут 7–8, не утомил внимания слушателей, и даже те, кто не знают французского языка, внимательно следили за выразительной мимикой Бунина. И снова цвет шведского культурного общества, присутствовавший на банкете в Гранд-отеле, наградил писателя дружными, продолжительными аплодисментами².

Гораздо подробнее бунинское выступление описал в отчете для газеты «Сегодня» И.М. Троцкий:

¹ Изгнанник (*франц.*).

² Седых А. Как Бунин получил Нобелевскую премию: (От нашего корреспондента) // Последние новости. Париж, 1933. 13 декабря. № 4648. С. 2.

Зал мгновенно умолкает. Даже неугомонная канарейка, помещившаяся какими-то неведомыми путями в зале и прерывавшая, к общему смеху присутствовавших, своими переливчатыми трелями ученых лауреатов, и та умолкает.

Иван Алексеевич читает свою речь по-французски. В его манере говорить и подкреплять свои мысли красивыми жестами есть что-то качаловское. Слушают его с явным удовольствием.

Не будет преувеличением, если я скажу, что русский лауреат был настоящим «героем» банкета. Его речь <...> и по построению, и по внутреннему содержанию действительно прекрасна. Она имела огромный успех. В ней отражается весь духовный облик Бунина³.

Поскольку выступления нобелевских лауреатов на банкете Шведской академии транслировались иностранными радиостанциями, речь Бунина была услышана и многомиллионной международной аудиторией. В то же время начиная уже с 11 декабря 1933 г. и вплоть до 1950 г. Нобелевская речь писателя публиковалась на французском и на русском языках, по меньшей мере, девять раз — причем как в периодической печати, так и в составе книжных изданий.

Среди этих прижизненных публикаций только четыре являются авторскими, остальные подготовлены третьими лицами. В основе авторских публикаций Нобелевской речи лежит ее авторизованная машинопись на французском языке, ныне хранящаяся в Бунинской коллекции Русского архива в Лидсе (РАЛ, Великобритания); источник (или источники) неавторских публикаций установить не удалось.

Авторизованная машинопись (1933)

Как известно, Бунин весьма сурово относился к собственным рукописям, периодически пересматривал свой архив и уничтожал то, что считал лишним или слабым. Точно так же он поступал с рабочими материалами многих произведений после их обнародования. Нобелевская речь оказалась в числе тех редких текстов, для кото-

³ *Троцкий И.* И.А. Бунин в центре внимания на Нобелевских торжествах: (От специального корреспондента «Сегодня») // Сегодня. Рига, 1933. 15 декабря. № 346. С. 3. В другом отчете для газеты «Сегодня» И.М. Троцкий сообщал, что «Шведская академия зачла яркую и проникновенную речь И.А. <Бунина> на академическом банкете за публичное выступление (т. е. за чтение нобелевской лекции, которая является обязательным пунктом программы нобелевских торжеств. — А.Б., С.М.). Это свидетельствует о большом внимании к русскому лауреату. Только по отношению к нему и к покойному Анатолию Франсу было сделано подобное исключение» (*Троцкий И.* Что рассказывают о своих сыновьях матери ученых Нобелевских лауреатов: (От специального корреспондента «Сегодня») // Сегодня. 1933. 17 декабря. № 348. С. 2).

рых писатель сделал исключение. Ее авторизованная машинопись (далее — *АМ*) состоит из четырех пронумерованных листов (в $\frac{1}{2}$ листа обычной писчей бумаги); в тексте имеются разного рода пометы и исправления, сделанные простым карандашом и перьевой ручкой, черными чернилами; на последнем листе стоят авторская дата: «Stockholm 9-XII-33» и подпись: «Ivan Bunin»⁴. Правда, несмотря на эту подпись, полной ясности относительно того, действительно ли Бунин был автором текста Нобелевской речи, нет.

Сомнение в бунинском авторстве обусловлено следующими фактами и соображениями: Бунин не настолько хорошо владел французским языком, чтобы писать на нем даже такие относительно небольшие по объему произведения, как Нобелевская речь, да еще с неукоснительным соблюдением норм французской грамматики и стилистики, — очевидно, что либо вначале был составлен текст на русском языке, который затем кто-то из бунинского окружения перевел на французский, либо речь сразу писалась по-французски, но делал это не Бунин; поскольку русский оригинал речи неизвестен, и сам писатель отрицал его существование (см. далее), приходится принять в качестве рабочей вторую версию возникновения текста Нобелевской речи, тем более что эта версия косвенно подтверждается фразой в одном из четырех писем В.Н. Буниной к Бунину от 26 января 1934 г.: «Я <...> удивлена, что ты никак не отблагодарил Алданова за то, что он написал тебе речь» [5, с. 682]. Возможно, в процитированной фразе как раз назван истинный автор Нобелевской речи — ее исходного, французского текста. Однако полной уверенности в этом опять-таки быть не может — в том числе в силу отсутствия документальных свидетельств в виде, например, соответствующей переписки между Буниным и М.А. Алдановым или алдановского автографа.

Как бы то ни было, согласно презумпции авторства, создателем текста Нобелевской речи закономерно считается все-таки Бунин, поскольку его именем подписаны и *АМ*, и все прижизненные публикации.

Характер большинства помет и исправлений в *АМ* позволяет предположить, что именно с ней в руках Бунин выступал на банкете Шведской академии. Так, в тексте *АМ* слова в словосочетаниях *signification profonde* (глубокое значение), *nous unit* (нас объединяет), *il y a là* (здесь: в этом) соединены друг с другом посредством дугообразных линий — несомненно, это сделано в соответствии с фран-

⁴ РАЛ. MS 1066/1357.

цузскими правилам орфоэпии, требующими произносить такие словосочетания с минимальной паузой или вовсе слитно; отмечены повышения и понижения тона; некоторые слова (*la douleur* (скорбь), *de tristesse* (печали), *des jurys* (судьи), *absolue* (абсолютная), *tous* (все), *nous surtout* (мы особенно), *de plus* (еще)) подчеркнуты — очевидно, для того, чтобы при чтении выделить их интонацией; цифровые обозначения числительных (9 и 15) заменены словесными: *neuf* (девять), *quinze* (пятнадцать); русскими буквами *з* и *с* транскрибированы французские фонемы [z] и [s] в словах *philosophe* (философ) и *égoïsme* (эгоизм) соответственно. Формат *AM*, близкий к формату карточек, также может свидетельствовать о том, что она изначально была подготовлена именно для публичного прочтения: такие полулисты должны были легко поместиться во внутреннем кармане фрака, и перебирать их в процессе выступления определенно было удобнее, чем страницы стандартного размера.

Тем не менее дата, проставленная на *AM* («9-ХП-33»), на наш взгляд, является условной — в том смысле, что писатель редактировал текст речи, по меньшей мере, в два приема: накануне своего выступления и позднее — вероятно, при написании очерка «Записи» (1936), в котором Нобелевская речь впервые была представлена в авторской редакции на французском и русском языках.

К выводу о двух слоях разновременной авторской правки мы пришли, сопоставив *AM* с текстами публикаций Нобелевской речи, осуществленных в 1933–1936 гг. Оказалось, что целый ряд исправлений (сокращений, вставок, лексических замен), которые значительно повлияли на текст речи в «Записях», не отражен в более ранних, притом неавторских ее публикациях. Первый, «косметико-орфоэпический» слой правки, внесенной преимущественно карандашом, в меньшей степени чернилами, по-видимому, следует датировать 1933 г.; второй, собственно редакторский, состоящий только из поправок чернилами, — 1936 г. Когда именно Бунин датировал и подписал *AM*, выяснить не удалось: в 1933 и 1936 гг. он пользовался чернилами одного и того же, черного цвета.

Кстати, о бунинской подписи: она сделана не на французском, а на каком-то другом европейском языке. По-французски фамилия «Бунин» пишется так: *Bouinine*; однако в *AM* она написана иначе: *Bunin*. Возможно, Бунин собирался напечатать Нобелевскую речь еще в некоем иностранном (шведском? английском? немецком? и т. п.) издании.

Ранние публикации (1933–1934)

Как отмечалось выше, текст бунинской речи впервые появился в печати уже 11 декабря 1933 г., причем не на французском, а в переводе на русский язык: речь была целиком приведена в корреспонденции И.М. Троцкого для газеты «Сегодня»⁵. Такая оперативность в создании, допечатной подготовке и опубликовании русского перевода⁶, а также высокая степень его адекватности *АМ* наводят на мысль, что Бунин предоставил И.М. Троцкому текст Нобелевской речи не после, а накануне выступления. Скорее всего, либо писатель привез с собой в Стокгольм, по меньшей мере, два экземпляра *АМ* и один из них отдал журналисту, либо сам И.М. Троцкий с разрешения Бунина сделал копию *АМ*.

В любом случае, совершенно очевидно, что публикация в «Сегодня» была осуществлена с некоего авторского оригинала Нобелевской речи. На это указывает значительное сходство текста публикации

⁵ См.: *Троцкий И.* «Кто я такой? — Изгнанник, пользующийся гостеприимством Франции», — заявил И.А. Бунин в своей речи в Шведской академии: (По телеграфу от специального корреспондента «Сегодня») // *Сегодня*. 1933. 11 декабря. № 342. С. 1. Вскоре эта же корреспонденция была напечатана в «Новом русском слове» (см.: [Б. н.] [*Троцкий И.М.*] «Кто я такой? — Изгнанник, пользующийся гостеприимством Франции», — заявил И.А. Бунин в своей речи на банкете в Шведской академии: (От специального корреспондента «Нового русского слова») // *Новое русское слово*. Нью-Йорк, 1933. 22 декабря. № 7635. С. 2). Благодаря публикациям И.М. Троцкого широкие круги русского зарубежья получили первое представление о содержании бунинской речи. При этом далеко не все представители эмигрантской общественности остались ею довольны. Например, И.С. Шмелев писал И.А. Ильину 17 декабря 1933 г.: «Потрясен я «Словом» Б<уни>на на банкете. Где же — чувство **меры**?! Достоинства?! «Я — честолюбив»... (!?) И это — русский писатель! <...> А?! И **нигде** ни слова, ни вздоха... о **матери**! Будто и нет ее для рус<ского> писателя. Плохо. Недостойно. **Так** задохнуться от «счастья». Все слова — с оглядкой, все движ<ения> — разучены перед зеркалом, вплоть до... «сошестивия» (достойнейшее!) с эстрады. А *мы-то*... чувствовали. <...> Б<унин> не сказал ни словечка и о рус<ской> литературе. <...> Я люблю Б<унина> за чистоту таланта, за труд, за вкус, за *русскую природу*. Много сохранил нам, собрал. Большой талант. Но как же так... не сказать про Russia? Все свести — к себе? А м<ожет> б<ыть>, по-своему и прав. Что взять с глухой стены «пирующих»?! И внутренне прав: это его торжество, его усилий... и благоприятной, «лиго-национной» конъюнктуры» [2, с. 427]. Как бы в ответ на эти упреки и недоумения А. Седых сообщил в очередном отчете для «Последних новостей»: «В Стокгольме Бунина предупреждали: // — Только не говорите о политике. Нобелевский лауреат должен стоять над партиями, иначе он навсегда скомпрометирует себя. Шведы до сих пор не простили Анатолию Франсу его политической речи на банкете академии... // Это не помешало Бунину сказать все, что он думает: решительно выступить против советского строя. И шведская печать несколько не возмутилась, — подхватила и весьма одобрила» (*Седых А.* Отъезд Бунина из Стокгольма: (От нашего корреспондента) // *Последние новости*. 1933. 20 декабря. № 4655. С. 3).

⁶ Напомним: Бунин выступил 10 декабря вечером, притом в Стокгольме, а газета выпускалась в Риге; даже если И.М. Троцкий надиктовал свою корреспонденцию по телефону, для перевода и набора бунинской речи все равно требовалось определенное время.

с текстом *AM* — в частности, в обоих текстах встречается одна и та же ошибка (*villa* (вилла) вместо *ville* (город), если только это была ошибка), присутствует ряд слов и фраз, которые Бунин вычеркнул или изменил, редактируя *AM* в 1936 г. В то же время в рассматриваемых текстах имеются и разночтения.

В нижеследующей таблице мы привели лишь наиболее характерные примеры совпадений и разночтений⁷:

Таблица 1

Авторизованная машинопись (09.12.1933)	«Сегодня» (11.12.1933) ⁸
[Il y a cinq semaines, le] <i>Le</i> [9] <i>neuf</i> novembre, très loin d'ici, dans une [charmante] <i>ancienne</i> vill[a]e de Provence, dans une [petite] <i>pauvre</i> maison de campagne, j'ai reçu le coup de téléphone qui m'annonçait le choix de l'Académie suédoise. (<i>Перевод</i> : [Пять недель назад,] [9] Девятого ноября, очень далеко отсюда, [на очаровательной вилле] в старинном городе Прованса, в [маленьком] бедном деревенском доме, я принял телефонный звонок, возвестивший мне о выборе Шведской академии.)	— Пять недель тому назад, — сказал И.А. Бунин, — очень далеко отсюда, в прелестной провансальской вилле, в маленьком деревенском домике, гордо носящем блестящее имя «Вилла Бельведер», я получил телефонное уведомление о решении Шведской академии.
[Sans aller aussi loin et s]Sans vouloir apporter une note de tristesse à ce banquet <...>. (<i>Перевод</i> : [Не заходя так далеко и не] Не желая вносить ноту грусти в этот банкет <...>.)	Не заходя далеко и не имея желания вносить ноту грусти в этот банкет <...>.
[Vous ne me croiriez pas si je me hasardais à soutenir que l'ambition personnelle n'y entrerait pour rien.] (<i>Перевод</i> : [Вы бы мне не поверили, если бы я осмелился утверждать, что личное честолюбие тут было ни при чем.]	Вы мне поверите, если я скажу, что личное самолюбие здесь играло второстепенную роль.
Le prix littéraire institué par votre <i>grand</i> compatriote Alfred Nobel[, un grand bienfaiteur de l'humanité] <...>. (<i>Перевод</i> : Литературная премия, учрежденная вашим великим соотечественником Альфредом Нобелем[, великим благотелем человечества] <...>.)	Литературная премия, установленная вашим соотечественником Альфредом Нобелем, благородным благотелем человечества <...>.

⁷ Здесь и в Таблице 3 выдержки из *AM* приводятся с учетом авторской правки, внесенной в 1933 и 1936 гг.: в квадратные скобки заключены вычеркнутые Буниным фрагменты текста, полужирным курсивом выделены авторские исправления.

⁸ Здесь и далее в выдержках из публикации в «Сегодня» курсив И.М. Троицкого.

<p>[Et] — <i>et</i> aussi soyez en sûrs, <i>Messieurs de l'Académie</i>, extrêmement reconnaissant[: cette gratitude, Messieurs les membres de l'Académie, je la conserverai jusqu'à la tombe]. (Перевод: [И] — и будьте также уверены, господа члены Академии, чрезвычайно признателен[: эту благодарность, господа члены Академии, я сохраню до могилы].)</p>	<p>И прошу вас верить, что вместе с тем я преисполнен чувства благодарности и эту благодарность, господа члены академии, я сохраню до могилы.</p>
<p>[Ahuri par la nouvelle, b]Brisé d'émotion par les félicitations et les télégrammes <...>. (Перевод: [Ошеломленный известием,] Взволнованный поздравлениями и телеграммами <...>.)</p>	<p>Взволнованный радостной новостью и под впечатлением поздравлений и бесчисленных телеграмм <...>.</p>
<p>Mais il est une vérité qui nous unit <i>tous</i>: [dans] la liberté de la pensée et de la conscience; [nous reconnaissons, avec Wieland, l'intérêt commun de l'humanité entière:] c'est à cette liberté que nous devons la civilisation. (Перевод: Но есть истина, которая объединяет <i>всех</i> нас: [в] свобод[е]а мысли и совести; [мы признаем, вместе с Виландом, общий интерес всего человечества,] именно этой свободе мы обязаны цивилизацией.)</p>	<p>Но есть одна вещь, которая объединяет всех — <i>это свобода мысли и знания, общий интерес всех людей. И именно этой свободе мы обязаны цивилизацией.</i></p>

Среди представленных в *Таблице 1* фрагментов французского и русского текстов особого внимания заслуживает первая пара цитат.

Как можно заметить, в первой фразе публикации в «Сегодня» имеется причастный оборот, которого нет в эквивалентной фразе *АМ* (между прочим, он отсутствует и во всех авторских публикациях Нобелевской речи): «...в маленьком деревенском домике, гордо носящем блестящее имя “Вилла Бельведер”». Разумеется, эту придаточную конструкцию в текст копии *АМ* в равной мере могли добавить и Бунин, и И.М. Троицкий. Но тогда возникает резонный вопрос: каким образом она попала в тексты двух других ранних публикаций бунинской речи, к которым писатель уже определенно не имел отношения?

Одна из этих двух неавторских (не подписанных и, следовательно, неавторизованных) публикаций появилась 29 декабря 1933 г. во французском еженедельном журнале «Анналь политик э литтерер» (*L'Annales politiques et littéraires*, далее — *APL*)⁹, другая — 1 февраля

⁹ См.: [Anonyme.] La remise du Prix Nobel à Ivan Bounine // *L'Annales politiques et littéraires*. Paris, 1933. 29 décembre. No. 2479. P. 725. Публикации предпослано

1934 г. в эмигрантской газете «Россия и славянство» (далее — *PuC*)¹⁰. Интересующая нас придаточная конструкция в публикации в *APL* имеет следующий вид: *dans une toute petite maison de campagne pompeusement nommée villa Belveder* (в совсем маленьком деревенском домике, пышно названном виллой Бельведер); в публикации в *PuC*: «в деревенском доме, который гордо носит звучное имя “Вилла Бельведер”».

Сравнительный анализ текстов ранних публикаций бунинской речи показал, что все они с точки зрения лексики, синтаксиса, композиции в той или иной мере отличаются и друг от друга, и от *AM*.

В то же время некоторое лексическое (с поправкой на разницу в языках) и композиционное сходство текстов в *APL* и *PuC* позволяет предположить, что у них были одни и те же источники — например, репортажи, корреспонденции, отчеты в иностранной (шведской, немецкой, английской и т. д.) и русской эмигрантской прессе и/или стенограмма бунинского выступления, записанного либо непосредственно в банкетном зале «Гранд-отеля», либо на основе радиотрансляции. Публикация в «Сегодня» вполне могла быть одним из таких источников — но точно не только она: на это указывает имеющиеся в текстах ранних публикаций Нобелевской речи различия. Приведем несколько примеров.

В публикациях в *APL* и *PuC* наличествует ссылка на немецкого поэта и прозаика Кристофа Мартина Виланда (1733–1813), а в публи-

краткое редакционное предисловие: *Ivan Bounine vient de recevoir solennellement à Stockholm, de l'Académie Royale de Suède, le prix Nobel de Littérature. Voici l'émouvant discours de remerciement qu'il a prononcé à cette occasion*: (Иван Бунин только что, в Стокгольме, в торжественной обстановке, получил от королевской Шведской академии Нобелевскую премию по литературе. Вот та трогательная благодарственная речь, которую он произнес по этому случаю:). Текст речи сопровождается известной фотографией, на которой Густав V вручает писателю Нобелевский диплом и золотую медаль. Подпись под фотографией: *Le roi de Suède remettant le prix Nobel de Littérature à Ivan Bounine, en présence de la famille royale. (Photo Keystone.)* (Король Швеции, вручающий Нобелевскую премию по литературе Ивану Бунину в присутствии королевской семьи. (Фото Кейстоуна.)). В том же номере *APL* (р. 723–725) был опубликован в переводе на французский язык рассказ Бунина «Исход» (французское заглавие — *La Délivrance*; автор перевода — Андре Пьер). Тремя неделями ранее в журнале был напечатан перевод бунинского рассказа «Конец» (см.: *Bounine I. La Fin // Les Annales politiques et littéraires*. 1933. 8 décembre. No. 2473. P. 643–644).

¹⁰ См.: [Б. н.] Речь И.А. Бунина на банкете Шведской Академии наук // Россия и славянство. Париж, 1934. 1 февраля. № 228. С. 3. Этот текст с небольшими различиями был перепечатан в газете «Русский в Аргентине» (Буэнос-Айрес) под заглавием «Речь И.А. Бунина на банкете» и также без подписи предположительно в 1934 г. Точные выходные данные номера газеты с публикацией бунинской речи неизвестны (в библиотеках России он отсутствует); вырезка из него хранится в Бунинской коллекции РАЛ (MS 1066/1116).

кации в «Сегодня» она отсутствует. В *AM* эта ссылка первоначально была (см. последнюю пару цитат в *Таблице 1*), и не вполне ясно, на каком этапе работы с *AM* (в декабре 1933 г. или в марте 1936 г.) Бунин вычеркнул имя К.-М. Виланда. Во всяком случае, в тексте *AM* слова *avec Wieland* (с Виландом) перечеркнуты дважды: сначала — густо — простым карандашом (1933? 1936?), затем — чернилами (1936), в составе фрагмента фразы: *nous reconnaissons, avec Wieland, l'intérêt commun de l'humanité entière* (мы признаем, вместе с Виландом, общий интерес всего человечества). Тем не менее в ходе бунинского выступления имя немецкого писателя, несомненно, прозвучало (иначе оно вряд ли упоминалось бы в публикациях в *APL* и *PuC*), а его отсутствие в публикации в «Сегодня», по всей видимости, следует объяснять переводческим произволом (хотя, конечно, сам Бунин вполне мог вычеркнуть это имя в экземпляре Нобелевской речи, предоставленном И.М. Троцкому).

В отличие от публикации в «Сегодня» (как и от текста *AM*), в публикациях в *APL* и *PuC* отсутствует одна из ключевых фраз бунинской речи — об особом значении для писателей свободы мысли и совести.

Речь в публикации в «Сегодня» (как и в исходном тексте *AM*) начинается словами «Пять недель тому назад» (*Il y a cinq semaines*), а в публикациях в *APL* и *PuC* — *Il y a juste un mois* (Ровно месяц тому назад), «Месяц тому назад».

В публикации в «Сегодня», так же как в *AM* и в публикации в *PuC*, текст речи заканчивается абзацем о личном отношении Бунина к Швеции, ее народу, литературе, королевской династии и непосредственно королю, а в публикации в *APL* такого абзаца нет.

И так далее.

Нагляднее сходства и различия в текстах ранних, неавторских публикаций Нобелевской речи и *AM* представлены в нижеследующей таблице:

Таблица 2

Авторизованная машинопись (исходный текст)	«Сегодня» (11.12.1933)	“L’Annales politiques et littéraires” (29.12.1933)	«Россия и славянство» (01.02.1934)
Monseigneur, Mesdames, Messieurs.	(Эквивалентное обращение отсутствует. — <i>А. Б., С. Н.</i>)	Altesse, Mesdames, Messieurs.	Ваше Высочество, Милостивые государыни и государи!

<p>Il y a cinq semaines, le 9 novembre, très loin d'ici, dans une charmante vill[a]e de Provence, dans une petite maison de campagne, j'ai reçu le coup de téléphone qui m'annonçait le choix de l'Académie suédoise.</p>	<p>— Пять недель тому назад, <...> очень далеко отсюда, в прелестной провансальской вилле, в маленьком деревенском домике, гордо носящем блестящее имя «Вилла Бельведер», я получил телефонное уведомление о решении Шведской академии.</p>	<p>Il y a juste un mois, le 9 novembre, très loin d'ici, en France, dans un charmant coin de Provence, dans une toute petite maison de campagne pompeusement nommée villa Belveder, j'ai reçu le message téléphonique de Stockholm concernant le choix de l'Académie suédoise.</p>	<p>Месяц тому назад, 9-го ноября, очень далеко отсюда, в чудесном городке Прованса, в деревенском доме, который гордо носит звучное имя «Вилла Бельведер», я получил телефонное сообщение о выборе, сделанном Шведской академией.</p>
<p>Je ne serais peut être pas tout à fait sincère, si je vous disais, comme on le répète dans les cas analogues, que c'était la plus forte émotion de ma vie. Vous avez, j'en suis sûr, l'âme trop haute pour m'en vouloir.</p>	<p>Я был бы неискренним, если бы сказал, как обычно говорят в таких случаях, что это было сильнейшим переживанием за всю мою жизнь.</p>	<p>Contrairement à ce que l'on dit dans des cas analogues, je ne vais pas assurer que ce fut la nouvelle la plus émouvante et la plus excitante que j'ai jamais reçue. Non, cela ne serait pas exact, et j'espère que vous ne m'en voudrez pas.</p>	<p>Не скажу вам, — как часто говорят в подобных случаях, — что это была наиболее волнующая весть, когда-либо выпадавшая на мою долю. Вы за это на меня не рассердитесь.</p>
<p>Un grand philosophe a déclaré que les émotions procurées par les joies, même les plus violentes, ne comptent presque pas en comparaison de celles que provoque <i>la douleur</i>. Sans aller aussi loin et sans vouloir apporter une note <i>de tristesse</i> à ce banquet — dont je garderai toujours l'ineffaçable souvenir, je me permettrai de dire tout de même que les souffrances ont largement dépassé mes joies au cours de ces 15 dernières années. Et ces souffrances ne m'ont pas été toutes personnelles — loin de là!</p>	<p>Великий философ как-то сказал, что волнения, происходящие от радости, даже самые сильные, не могут сравниться с волнениями, причиняемыми горем. Не заходя далеко и не имея желаний вносить ноту грусти в этот банкет, о котором я навсегда сохраню незабываемые воспоминания, я позволю себе сказать все же, что <i>в течение последних 15 лет страдания, которые я переживал, превосходили радости. И эти страдания не были только моими личными переживаниями.</i></p>	<p>Un des plus grands philosophes du monde a dit un jour que, si forte qu'elle soit, une émotion joyeuse ne peut jamais égaler l'intensité de l'angoisse. Je n'irai pas si loin, ne voulant pas assombrir notre banquet de ce jour. Permettez-moi seulement de vous dire que, pendant ces dernières quinze années, j'ai connu beaucoup de chagrin, et que ce chagrin n'a pas été de nature strictement individuelle.</p>	<p>Великий философ говорит, что радостное волнение и сравнимо быть не может с волнением скорбным. Я не иду так далеко и не хочу вносить грустную ноту в наш сегодняшний банкет. Но позвольте мне сказать, что за последние 15 лет мне пришлось пережить очень много горя. И это было далеко не одно мое личное горе.</p>

<p>Le prix littéraire institué par votre compatriote Alfred Nobel, un grand bienfaiteur de l'humanité, reste la plus haute récompense qui puisse couronner l'œuvre d'un écrivain.</p>	<p>Литературная премия, установленная вашим соотечественником Альфредом Нобелем, благородным благодетелем человечества, представляет собой высшую награду, которая может увенчать творчество писателя.</p>	<p>Le prix littéraire fondé par votre noble compatriote Alfred Nobel est la plus grande récompense que l'on ait jamais pu décerner à un écrivain.</p>	<p>Литературная премия, основанная вашим благородным соотечественником Альфредом Нобелем, остается высшей наградой, которая может выпасть на долю писателя.</p>
<p>Mais j'aurais fait preuve d'un triste égoïsme si, ce jour-là, le 9 novembre, je n'avais pensé qu'à moi-même. Ahuri par la nouvelle, brisé d'émotion par les félicitations et les télégrammes, qui commençaient à pleuvoir, j'ai songé, dans la solitude et le silence de la nuit, à la signification profonde qui s'attachait à la décision de l'Académie suédoise.</p>	<p>Но с моей стороны было бы непостижимым эгоизмом, если бы в этот день 9 ноября я думал только о самом себе. Взволнованный радостной новостью и под впечатлением поздравлений и бесчисленных телеграмм, которые начали уже меня засыпать, я — в одиночестве и молчании торжественной ночи <i>думал о том знаменательном значении, которое имеет в данном случае решение Шведской академии.</i></p>	<p>Mais, le 9 novembre, je n'ai pensé qu'à moi. Il est vrai qu'au premier moment j'ai été ahuri par l'heureuse nouvelle et par l'avalanche de félicitations et de télégrammes arrivant de toutes parts. Mais le soir du même jour, alors que je suis resté seul avec mes pensées, j'ai compris, naturellement, le sens plus profond, le sens cardinal de votre choix.</p>	<p>Однако в этот день, 9-го ноября, я думал никак не об одном себе. В первую минуту я был ошеломлен этим известием, поздравлениями, телеграммами. Но вечером, оставшись в одиночестве, я, естественно, остановился в мыслях на более глубоком значении вашего решения.</p>
<p>Pour la première fois, depuis la fondation du prix Nobel, vous l'avez attribué à un exilé. Qui suis-je en vérité? Un exilé qui jouit de l'hospitalité de la France envers laquelle, également, j'ai contracté une dette de reconnaissance éternelle.</p>	<p>В первый раз со времени учреждения Нобелевской премии вы назначили ее эмигранту: потому что, в самом деле, <i>кто я такой? Изгнанник, пользующийся гостеприимством Франции, по отношению к которой я также обязан вечной благодарности.</i></p>	<p>Car c'est pour la première fois depuis qu'il existe que le prix Nobel vient d'être décerné à un "réfugié". Je suis un émigré politique qui jouit de l'hospitalité de la France, pays auquel je ne saurai jamais dire, toute ma gratitude.</p>	<p>В первый раз с тех пор, как существует Нобелевская премия, вы ее присудили <i>изгнаннику</i>. Я политический эмигрант, пользующийся гостеприимством Франции, — которой я также обязан вечной признательностью.</p>

<p>Mais, Messieurs de l'Académie suédoise, permettez qu'en faisant abstraction de ma personne et de mon œuvre, je déclare ici qu'en lui-même votre geste est d'une très haute beauté.</p>	<p>Позвольте мне, господа члены Шведской академии, отойти от моей персоны и от моего творчества и заявить, что в самом вашем акте кроются элементы высшей красоты.</p>	<p>Sans parler de moi et de mon activité littéraire, je m'empresse de déclarer que votre décision, messieurs les académiciens, émane d'en cœur généreux digne d'admiration.</p>	<p>Без всякого отношения ко мне лично и к моей литературной деятельности, жест ваш, господа члены Академии, должен быть признан прекрасным.</p>
<p>Il faut qu'il existe, en effet, dans le monde des foyers d'indépendance <i>absolue</i>.</p>	<p>Необходимо, чтобы в мире существовали очаги абсолютной независимости.</p>	<p>(Эквивалентная фраза отсутствующей. — А.Б., С.Н.)</p>	<p>В мире еще существуют очаги совершенной независимости.</p>
<p>Sans doute, autour de cette table, il est des représentants de toutes les opinions, de toutes les croyances philosophiques et religieuses. Mais il est une vérité qui nous unit <i>tous</i>: dans la liberté de la pensée et de la conscience nous reconnaissons, avec Wieland, l'intérêt commun de l'humanité entière; c'est à cette liberté que nous devons la civilisation. Et pour nous <i>surtout</i>, les écrivains, il y a là un [g]dogme, un axiome. Votre décision, Messieurs les membres de l'Académie, prouve une fois de <i>plus</i> que l'amour de la liberté, pour la Suède, est un véritable culte national.</p>	<p>И среди вас, без сомнения, как и среди всех сидящих за этим столом, есть люди различных убеждений, люди, принадлежащие к разным философским течениям, люди различных религий. Но есть одна вещь, которая объединяет всех — <i>это свобода мысли и знания, общий интерес всех людей. И именно этой свободе мы обязаны цивилизацией</i>. В особенности же для нас, писателей, она, эта свобода представляется догмой, аксиомой. И ваше решение, господа члены академии, лишний раз доказало, что любовь к свободе в Швеции составляет истинный национальный культ.</p>	<p>Altesse, mesdames, messieurs, il y a certainement parmi vous des gens de différentes professions politiques, philosophiques et religieuses, mais, malgré toutes ces divergences d'opinions, il y a une chose qui nous unit tous étroitement: c'est cette estime pour la liberté de l'esprit, cet amour de la liberté de conscience que Wieland considère comme un patrimoine commun à l'humanité tout entière, comme la base essentielle de notre civilisation. Vous venez de montrer, messieurs les académiciens, que tel est le trait foncier, le trait national du caractère du peuple suédois.</p>	<p>Ваше Высочество, милостивые государыни и государи! За этим столом, конечно, находятся люди самых разных политических, философских и религиозных взглядов. Но есть нечто связывающее нас всех: это то уважение к свободе мысли, к свободе совести, которое Виланд называет общим достоянием людей, основой их цивилизованного бытия. Вы показали, господа члены Академии, что такова основная национальная черта Швеции.</p>

<p>Enfin quelques mots pour terminer ce discours[.]: déjà trop long je n'ai pas attendu ce jour pour éprouver toute l'admiration que je porte à votre Famille Royale, à votre pays, à votre peuple, à votre littérature. L'amour des arts et des lettres est une tradition, je le sais, pour la Maison Royale de Suède, comme pour votre noble nation toute entière. Fondée par un guerrier illustre, la dynastie suédoise est l'une des plus glorieuses du monde. Sa Majesté le Roi, le Roi chevalier d'un peuple chevaleresque, daignera permettre sans doute à un étranger, à un écrivain libre, honoré par l'Académie suédoise, de lui soumettre l'e[m]xpression de ses sentiments les plus respectueux, les plus reconnaissants et les plus é[p]mus pour l'inoubliable honneur dont il a été l'objet.</p>	<p>Позвольте мне в заключение сказать еще несколько слов. Я не ожидал сегодняшнего дня, чтобы выразить чувство восхищения, которое я испытываю к вашей Королевской семье, к вашей стране, к вашему народу, к вашей литературе. Я знаю, что для Королевского шведского дома любовь к искусству и литературе составляет традицию так же, как и для всей вашей благородной нации. Основанная знаменитым полководцем, шведская династия является одной из славных династий во всем мире. Его Величество король, <i>король-рыцарь рыцарского народа, без сомнения, разрешит иностранцу, свободному писателю, отличному Шведской академии, выразить ему чувства самого глубокого уважения и признательности за незабываемый прием, которого он был здесь удостоен...</i></p>	<p>(Эквивалентный фрагмент текста отсутствует. — <i>А.Б., С.Н.</i>)</p>	<p>Еще несколько слов в заключение. Я не со вчерашнего дня глубоко ценю вашу страну, ваш народ, вашу литературу. В шведском Королевском Доме и во всем нашем государстве любовь к искусству, к литературе составляет вековую традицию. Династия Вашего Высочества, основанная знаменитым полководцем, является в настоящее время одной из наиболее знаменитых. Пусть же Король-Рыцарь рыцарского народа позволит иностранцу, независимому писателю, на которого пал выбор Шведской академии, выразить в его лице всей Швеции глубокую почтительную благодарность за оказанный ему здесь незабываемый прием.</p>
--	--	---	---

В пользу гипотезы о том, что публикации в *APL* и *PuC* были основаны на неких вторичных текстах, исходивших не от Бунина, — на публикациях в иностранной прессе и/или стенограмме выступления

писателя, — убедительнее всего говорят разительные отличия текста в *APL* от текста *AM*. Даже без перевода видна разница в их лексическом составе, построении предложений, общей архитектонике, наличии или отсутствии тех или иных подробностей (в последнем случае в качестве примеров можно привести тот же пассаж о *une toute petite maison de campagne pompeusement nommée villa Belveder* (маленьком деревенском доме, пышно названном виллой Бельведер) или эпитет *heureuse* (счастливая, радостная) в применении к новости, которой был *ahuri* (ошеломлен) Бунин 9 ноября 1933 г.¹¹). Вне сомнений, текст в *APL* представляет собой либо обратный перевод на французский язык с другого европейского языка, либо расшифровку стенограммы. При этом нельзя исключать вероятности того, что он возник в результате компиляции.

Тем не менее Бунин хранил вырезку с публикацией в *APL* в своем архиве и уже в конце жизни надписал ее: над первым столбцом (красной шариковой ручкой) — «Моя речь:», под вторым (синей шариковой ручкой) — «Ив. Бунин»¹².

Сохранил он и несколько вырезок с публикацией Нобелевской речи в *PuS*¹³. Одну из них в середине 1930-х гг. Бунин прислал В.Ф. Булгакову для Русского культурно-исторического музея в Праге (1934–1945)¹⁴. На вырезке, в левом поле, рукой Бунина, черными чернилами, написано: «Не совсем точный текст. И по-русски не существовавший. Я говорил по-французски. Ив. Бунин»¹⁵.

Таким образом, ранние, неавторские публикации Нобелевской речи с точки зрения текстологии, говоря юридическим языком, «ничтожны», поскольку Бунин не участвовал в их подготовке. Но как факты истории публикации Нобелевской речи они, безусловно, важны.

Авторские публикации (1936–1950)

После триумфа в Стокгольме Бунин не спешил публиковать собственную, авторскую версию Нобелевской речи. Возможно, это

¹¹ В ходе правки *AM* в 1936 г. Бунин полностью вычеркнул упоминание об этой новости и своей реакции на нее.

¹² РАЛ. MS 1066/1358. Почерк, а также тип и цвет ручек говорят о том, что эти пометы сделаны писателем во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.

¹³ РАЛ. MS 1066/1117–1120.

¹⁴ В одном из писем к Бунину В.Ф. Булгаков, по чьей инициативе и был учрежден Русский культурно-исторический музей в Праге, просил предоставить для его экспозиции что-нибудь из рукописей и книг (ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 6. Л. 98–99). О музее см.: [10, с. 124–136].

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 38а. Л. 28.

было связано с тем, что в 1934–1936 гг. писатель был почти всецело поглощен работой над Собранием сочинений, которое выпустило берлинское издательство «Петрополис». Зато начиная с 1936 г. авторская версия речи — и на французском языке, и в переводе на русский — появилась в печати четыре раза, но не как отдельное произведение (в отличие от «Речи на юбилее “Русских ведомостей”» (1913) и «Миссии русской эмиграции» (1924)), а в составе мемуарных очерков «Записи» (1936), “Comment j’ai reçu le Prix Nobel” («Как я получил Нобелевскую премию», 1947), «Нобелевские дни» (1950) и “Journées du Prix Nobel” («Дни Нобелевской премии», 1950).

В «Записях», увидевших свет 7 марта и 4 апреля 1936 г. в парижском еженедельном журнале «Иллюстрированная Россия» (далее — *ИР*)¹⁶, Нобелевская речь была приведена на двух языках — по-французски (в основном тексте) и по-русски (в сноске).

Французский текст публикации в *ИР* определенно был подготовлен на основе текста *АМ*, в чем мы убедились при их сличении. Строго говоря, текст в *ИР* явился результатом авторской правки *АМ*, которая заключалась в исправлении опечаток, допущенных еще в 1933 г., замене, вставке и сокращении отдельных слов, словосочетаний и предложений. Тем не менее ряд ошибок и опечаток, имеющих в *АМ* (например, *égoïsme* вместо *égoïsme*), по невнимательности Бунина и журнальных редакторов, перешли в текст публикации в *ИР*. Кроме того, несколько ошибок вкралось в печатный текст уже при наборе: например, *repéte* вместо *répète* (повторяют), *extrêmement* вместо *extrêmement* (чрезвычайно), *contracté* вместо *contracté* (здесь: обязан); в последнем абзаце речи пропущены слова *à votre pays* (к вашей стране)¹⁷.

С учетом перечисленных трансформаций и недочетов бунинское заявление: «Вот точный текст той речи, которую произнес я»¹⁸, — представляется не вполне корректным.

В нижеследующей таблице сопоставлены одни и те же фрагменты текстов на французском языке в *АМ* и публикации в *ИР*:

¹⁶ См.: Бунин Ив. Записи // Иллюстрированная Россия. Париж, 1936. № 11. 7 марта. С. 2–3; № 15. 4 апреля. С. 1–2, 4.

¹⁷ Присутствие эквивалентного словосочетания («вашу страну») в тексте перевода говорит о том, что пропуск указанных слов во французском тексте является именно дефектом набора, а не выражением творческой воли Бунина.

¹⁸ Бунин Ив. Записи // Иллюстрированная Россия. 1936. № 15. 4 апреля. С. 2.

Таблица 3

Авторизованная машинопись (09.12.1933)	«Иллюстрированная Россия» (04.04.1936)
[Il y a cinq semaines, le] Le [9] neuf novembre, très loin d'ici, dans une [charmante] ancienne vill[a]e de Provence, dans une [petite] pauvre maison de campagne, j'ai reçu le coup de téléphone qui m'annonçait le choix de l'Académie suédoise.	— Le 9 novembre, très loin d'ici, dans une ancienne ville de Provence, dans une pauvre maison de campagne, j'ai reçu le coup de téléphone qui m'annonçait le choix de l'Académie suédoise.
Je ne serais [peut-être] pas tout à fait sincère, si je vous disais, comme on le répète dans les cas analogues, que c'était la plus forte émotion de ma vie. [Vous avez, j'en suis sûr, l'âme trop haute pour m'en vouloir.]	Je ne serais pas tout à fait sincère, si je vous disais, comme on le répète dans les cas analogues, que c'était la plus forte émotion de ma vie.
[Sans aller aussi loin et s] Sans vouloir apporter une note de <i>tristesse</i> à ce banquet — dont je garderai toujours l'ineffaçable souvenir, je me permettrai de dire tout de même, que les souffrances ont largement dépassé mes joies[,] au cours de ces [15] quinze dernières années. Et ces souffrances ne m'ont pas été toutes personnelles, — loin de là!	Sans vouloir apporter une note de tristesse à ce banquet dont je garderai toujours l'ineffaçable souvenir, je me permettrai de dire tout de même que les souffrances ont largement dépassé mes joies au cours de ces 15 dernières années. Et ces souffrances ne m'ont pas été toutes personnelles — loin de là!
Mais, très certainement, je puis affirmer que, de toutes les joies qui me sont échues dans [la] ma vie <i>littéraire</i> , ce petit miracle technique, ce coup de téléphone de Stockholm à Grasse, m'a donné la satisfaction [la plus forte.] la plus justifiée. [Vous ne me croiriez pas si je me hasardais à soutenir que l'ambition personnelle n'y entraînait pour rien. Et vous curiez grandement raison de ne pas me croire.]	— Mais, très certainement, je puis affirmer que, de toutes les joies qui me sont échues dans ma vie littéraire, ce petit miracle technique, ce coup de téléphone de Stockholm à Grasse, m'a donné la satisfaction la plus justifiée.
Le prix littéraire institué par votre grand compatriote Alfred Nobel[, un grand bienfaiteur de l'humanité], reste la plus haute récompense qui puisse couronner l'œuvre d'un écrivain.	Le prix littéraire institué par votre grand compatriote Alfred Nobel reste la plus haute récompense qui puisse couronner l'œuvre d'un écrivain.
Ambitieux comme presque tous les hommes et comme tous les auteurs, j'étais extrêmement fier de recevoir cette couronne de la part du plus compétent et du plus impartial <i>jurfi]ys</i> // [Et] — et aussi, soyez en sûrs, Messieurs de l'Académie , extrêmement reconnaissant[: cette gratitude, Messieurs les membres de l'Académie, je la conserverai jusqu'à la tombe].	Ambitieux comme presque tous les hommes et comme tous les auteurs, j'étais extrêmement fier de recevoir cette couronne de la part du plus compétent et du plus impartial des jurys — et aussi, soyez en sûrs, Messieurs de l'Académie, extrêmement reconnaissant.

<p>Mais j'aurais fait preuve d'un triste égoïsme si, ce jour-là, le [9] <i>neuf</i> novembre, je n'avais pensé qu'à moi-même. [Ahuri par la nouvelle, b]Brisé d'émotion par les félicitations et les télégrammes, qui commençaient à pleuvoir, j'ai songé, dans la solitude et le silence de la nuit, à la signification profonde qui s'attachait à la décision de l'Académie suédoise.</p>	<p>Mais j'aurais fait preuve d'un triste égoïsme si, ce jour-là, le 9 novembre, je n'avais pensé qu'à moi-même. Brisé d'émotion par les félicitations et les télégrammes qui commençaient à pleuvoir, j'ai songé, dans la solitude et le silence de la nuit, à la signification profonde qui s'attachait à la décision de l'Académie suédoise.</p>
<p>Qui suis-je en vérité? Un exilé qui jouit de l'hospitalité de la France envers laquelle, également, j'ai contracté une dette de reconnaissance éternelle.</p>	<p>Qui suis-je en vérité? Un exilé qui jouit de l'hospitalité de la France envers laquelle, également, j'ai contracté une dette de reconnaissance éternelle.</p>
<p>Mais il est une vérité qui nous unit <i>tous</i>: [dans] la liberté de la pensée et de la conscience; [nous reconnaissons, avec Wieland, l'intérêt commun de l'humanité entière:] c'est à cette liberté que nous devons la civilisation. Et pour <i>nous surtout</i>, les écrivains, il y a là un [g]dogme, un axiome.</p>	<p>Mais il est une vérité qui nous unit tous: la liberté de la pensée et la conscience; c'est à cette liberté que nous devons la civilisation. Et pour nous surtout, les écrivains, il y a là un dogme, un axiome.</p>
<p>Enfin quelques mots pour terminer ce <i>petit</i> discours[.]: [déjà trop long] je n'ai pas attendu ce jour pour éprouver toute l'admiration que je porte à votre Famille Royale, à votre pays, à votre peuple, à votre littérature. L'amour des arts et des lettres est une tradition[, je le sais,] pour la Maison Royale de Suède, comme pour votre noble nation toute entière. Fondée par un guerrier illustre, la dynastie suédoise est l'une des plus glorieuses du monde. Sa Majesté le Roi, le Roi chevalier d'un peuple chevaleresque, daignera permettre [sans doute] à un étranger, à un écrivain libre, honoré par l'Académie suédoise, de lui soumettre l'e[m]xpression de ses sentiments les plus respectueux[, les plus reconnaissants] et les plus é[p]mus.[pour l'inoubliable honneur dont il a été l'objet.]</p>	<p>— Enfin quelques mots pour terminer ce petit discours. Je n'ai pas attendu ce jour pour éprouver toute l'admiration que je porte à votre Famille Royale, à votre peuple, à votre littérature. L'amour des arts et des lettres est une tradition pour la Maison Royale de Suède, comme pour votre noble nation toute entière. Fondée par un guerrier illustre, la dynastie suédoise est l'une des plus glorieuses du monde. Sa Majesté le Roi, le Roi chevalier d'un peuple chevaleresque, daignera permettre à un étranger, à un écrivain libre, honoré par l'Académie suédoise, de Lui soumettre l'expression de ses sentiments les plus respectueux et les plus émus.</p>

Отметим также различие в архитектонике рассматриваемых текстов. В *AM* — пять абзацев (считая со вступительным обращением к кронпринцу Густаву Адольфу и участникам банкета), в публика-

ции в *ИР* — на один меньше, но не за счет сокращения какого-то из абзацев в *АМ*, а благодаря их объединению: в *АМ* фрагменты текста Нобелевской речи, начинающиеся словами *Mais, très certainement, je puis affirmer...* (Однако я твердо могу заверить) и *Mais j'aurais fait preuve d'un triste égoïsme...* (Однако я проявил бы постыдный эгоизм), разделены абзачным отступом, а в тексте публикации в *ИР* они напечатаны в подбор. Кроме того, всем абзацам в публикации в *ИР* (за исключением финального — вероятно, вследствие дефекта набора) предпосланы тире.

Русский перевод речи, скорее всего, судя по его стилю, был выполнен самим Буниным. В тексте перевода чувствуется рука опытного мастера: по сравнению с переводами, напечатанными в «Сегодня» и *PuС*, он более художественен и более точен в выражении авторской мысли, даже несмотря на ряд очевидных отступлений от французского оригинала. Тем не менее мы не можем с уверенностью сказать, что писатель в ходе работы над переводом Нобелевской речи не опирался на тексты ее неавторских публикаций в «Сегодня» и *PuС*.

В нижеследующей таблице сопоставлены выдержки из всех трех русских переводов:

Таблица 4

«Сегодня» (11.12.1933)	«Россия и славянство» (01.02.1934)	«Иллюстрированная Россия» (04.04.1936)
— Пять недель тому назад <...> очень далеко отсюда, в прелестной провансальской вилле, в маленьком деревенском домике, гордо носящем блестящее имя «Вилла Бельведер», я получил телефонное уведомление о решении Шведской академии.	Месяц тому назад, 9-го ноября, очень далеко отсюда, в чудесном городке Прованса, в деревенском доме, который гордо носит звучное имя «Вилла Бельведер», я получил телефонное сообщение о выборе, сделанном Шведской академией.	— 9 ноября, в далекой дали, в старинном провансальском городе, в бедном деревенском доме, телефон известил меня о решении Шведской Академии.
Я был бы неискренним, если бы сказал, как обычно говорят в таких случаях, что это было сильнейшим переживанием за всю мою жизнь.	Не скажу вам, — как часто говорят в подобных случаях, — что это была наиболее волнующая вещь, когда-либо выпадавшая на мою долю.	Я был бы неискренен, ежели б сказал, как говорят в подобных случаях, что это было наиболее сильное впечатление во всей моей жизни.

<p>Великий философ как-то сказал, что волнения, происходящие от радости, даже самые сильные, не могут сравниться с волнениями, причиняемыми горем.</p>	<p>Великий философ говорит, что радостное волнение и сравнимо быть не может с волнением скорбным.</p>	<p>Справедливо сказал великий философ, что чувства радости, даже самые резкие, почти ничего не значат по сравнению с таковыми же чувствами печали.</p>
<p>Не заходя далеко и не имея желания вносить ноту грусти в этот банкет, о котором я навсегда сохраню незабываемые воспоминания, я позволю себе сказать все же, что <i>в течение последних 15 лет страдания, которые я переживал, превосходили радости. И эти страдания не были только моими личными переживаниями. О, нет! Далеко нет!</i></p>	<p>Я не иду так далеко и не хочу вносить грустную ноту в наш сегодняшний банкет. Но позвольте мне сказать, что за последние 15 лет мне пришлось пережить очень много горя. И это было далеко не одно мое личное горе.</p>	<p>Ничуть не желая омрачать этот праздник, о котором я навсегда сохраню неизгладимое воспоминание, я все-таки позволю себе сказать, что скорби, испытанные мною за последние пятнадцать лет, далеко превышали мои радости. И не личными были эти скорби, — совсем нет!</p>
<p>Но я могу совершенно уверенно заявить, что из всех радостей, испытанных мною в жизни, наиболее сильную радость доставило мне маленькое техническое чудо — телефонный звонок из Стокгольма в Грасс.</p>	<p>Зато, из добрых вестей, этот телефонный звонок из Стокгольма в Грасс принес мне едва ли не самую радостную.</p>	<p>Однако твердо могу сказать я и то, что из всех радостей моей писательской жизни это маленькое чудо современной техники, этот звонок телефона из Стокгольма в Грасс, дал мне как писателю наиболее полное удовлетворение.</p>

<p>Литературная премия, установленная вашим соотечественником Альфредом Нобелем, благородным благодетелем человечества, представляет собой высшую награду, которая может увенчать творчество писателя. Честолюбивый, как почти все люди и как все авторы, я был чрезвычайно горд, когда получил это признание со стороны наиболее компетентного и наиболее беспристрастного жюри.</p>	<p>Литературная премия, основанная вашим благородным соотечественником Альфредом Нобелем, остается высшей наградой, которая может выпасть на долю писателя. Я честолюбив, как почти все люди и как все писатели. Получение высшей награды от столь осведомленных и беспристрастных судей доставило мне живейшую радость.</p>	<p>Литературная премия, учрежденная вашим великим соотечественником Альфредом Нобелем, есть высшее увенчание писательского труда! Честолюбие свойственно почти каждому человеку и каждому автору, и я был крайне горд получить эту награду со стороны судей столь компетентных и беспристрастных.</p>
<p>Взволнованный радостной новостью и под впечатлением поздравлений и бесчисленных телеграмм, которые начали уже меня засыпать, я — в одиночестве и молчании торжественной ночи <i>думал о том знаменательном значении, которое имеет в данном случае решение Шведской академии.</i></p>	<p>В первую минуту я был ошеломлен этим известием, поздравлениями, телеграммами. Но вечером, оставшись в одиночестве, я, естественно, остановился в мыслях на более глубоком значении вашего решения.</p>	<p>Горячо пережив волнение от потока первых поздравлений и телеграмм, я в тишине и одиночестве ночи думал о глубоком значении поступка Шведской Академии.</p>
<p>В первый раз со времени учреждения Нобелевской премии вы назначили ее эмигранту: потому что, в самом деле, <i>кто я такой? Изгнанник, пользующийся гостеприимством Франции, по отношению к которой я также обязан долгом вечной благодарности.</i></p>	<p>В первый раз с тех пор, как существует Нобелевская премия, вы ее присудили <i>изгнаннику</i>. Я политический эмигрант, пользующийся гостеприимством Франции, — которой я также обязан вечной признательностью.</p>	<p>Впервые со времени учреждения Нобелевской премии вы присудили ее <i>изгнаннику</i>. Ибо кто же я? Изгнанник, пользующийся гостеприимством Франции, по отношению к которой я тоже навсегда сохранил признательность.</p>

<p>Позвольте мне, господа члены Шведской академии, отойти от моей персоны и от моего творчества и заявить, что в самом вашем акте кроются элементы высшей красоты.</p>	<p>Без всякого отношения ко мне лично и к моей литературной деятельности, жест ваш, господа члены Академии, должен быть признан прекрасным.</p>	<p>Господа члены Академии, позвольте мне, оставив в стороне меня лично и мои произведения, сказать вам, сколь прекрасен ваш жест сам по себе.</p>
<p>И среди вас, без сомнения, как и среди всех сидящих за этим столом, есть люди различных убеждений, люди, принадлежащие к разным философским течениям, люди различных религий. Но есть одна вещь, которая объединяет всех — <i>это свобода мысли и знания, общий интерес всех людей. И именно этой свободе мы обязаны цивилизацией.</i> В особенности же для нас, писателей, она, эта свобода представляется догмой, аксиомой. И ваше решение, господа члены академии, лишний раз доказало, что любовь к свободе в Швеции составляет истинный национальный культ.</p>	<p>За этим столом, конечно, находятся люди самых разных политических, философских и религиозных взглядов. Но есть нечто связывающее нас всех: это то уважение к свободе мысли, к свободе совести, которое Виланд называет общим достоянием людей, основой их цивилизованного бытия. Вы показали, господа члены Академии, что такова основная национальная черта Швеции.</p>	<p>Вне сомнения, вокруг этого стола находятся представители всяческих мнений, всяческих философских и религиозных верований. Но есть нечто незыблемое, всех нас объединяющее: свобода мысли и совести, то, чему мы обязаны цивилизацией. Для писателя эта свобода необходима особенно, — она для него догмат, аксиома. Ваш же жест, господа члены Академии, еще раз доказал, что любовь к свободе есть настоящий национальный культ Швеции.</p>

<p>Я не ожидал сегодняшнего дня, чтобы выразить чувство восхищения, которое я испытываю к вашей Королевской семье, к вашей стране, к вашему народу, к вашей литературе. Я знаю, что для Королевского шведского дома любовь к искусству и литературе составляет традицию так же, как и для всей вашей благородной нации. Основанная знаменитым полководцем, шведская династия является одной из славных династий во всем мире. Его Величество король, <i>король-рыцарь рыцарского народа, без сомнения, разрешит иностранцу, свободному писателю, отличенному Шведской академией, выразить ему чувства самого глубокого уважения и признательности</i> за незабываемый прием, которого он был здесь удостоен...</p>	<p>Я не со вчерашнего дня глубоко ценю вашу страну, ваш народ, вашу литературу. В шведском Королевском Доме и во всем вашем государстве любовь к искусству, к литературе составляет вековую традицию. Династия Вашего Высочества, основанная знаменитым полководцем, является в настоящее время одной из наиболее знаменитых. Пусть же Король-Рыцарь рыцарского народа позволит иностранцу, независимому писателю, на которого пал выбор Шведской академии, выразить в его лице всей Швеции глубокую почтительную благодарность за оказанный ему здесь незабываемый прием.</p>	<p>Я не с нынешнего дня высоко ценю ваш Королевский Дом, вашу страну, ваш народ, вашу литературу. Любовь к искусствам и к литературе всегда была традицией для шведского Королевского Дома, равно как и для всей благородной нации вашей. Основанная славным воином, шведская династия есть одна из самых славных в мире. Его Величество Король, Король-Рыцарь народа-рыцаря, да соизволит разрешить чужеземному, свободному писателю, удостоенному вниманием Шведской Академии, выразить ему свои почтительнейшие и сердечнейшие чувства.</p>
--	--	--

11 лет спустя, 4 декабря 1947 г., Бунин напечатал свои «Записки» в переводе на французский язык и под новым заглавием — «Comment j'ai reçu le Prix Nobel» («Как я получил Нобелевскую премию») в парижской ежедневной газете «Нувель литтерер, артистик э сьенцифик» (*Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques*, далее — *NLAS*)¹⁹. Текст Нобелевской речи был перенесен в эту публикацию из

¹⁹ См.: *Bouine I. Comment j'ai reçu le Prix Nobel / trad. du russe par V. Volmane // Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques*. Paris, 1947. 4 décembre. No. 1057. P. 1. Это была далеко не первая публикация Бунина в главной литературной газете Франции: начиная с 1924 г. писатель поместил в ней — в переводе на французский язык — шесть произведений (в том числе ответ на анкету о влиянии французской литературы на литературы других стран, рассказы «Забота», «Сверчок» и «Косцы», два мемуарных очерка — об А.П. Чехове и М. Горьком) и запись сообщения Е.М. Лопатиной о Л.Н. Толстом.

«Записей», но не в исходном, а в частично отредактированном виде, причем в качестве редактора явно выступил либо носитель, либо большой знаток французского языка. Скорее всего, таким редактором была Вера Вольман — автор французской версии бунинского очерка²⁰.

При сличении текстов Нобелевской речи в *ИП* и *NLAS* было выявлено более 20 разночтений — главным образом пунктуационного и грамматического характера (в публикации в *NLAS* в одних предложениях удалены, в других вставлены запяты, исправлены артикли, устранены опечатки), в меньшей степени — лексического, орфографического и композиционного свойства (в тексте публикации в *NLAS* осуществлено пять лексических замен: *ancienne* — *vieille* (старая), *procurées* — *suscitées* (вызванные), *ineffaçable* — *ineffable* (неизгладимый), *15* — *quinze* (пятнадцать), *soumettre* — *offrir* (принести); в словах *Famille Royale* (Королевская Семья), *Maison Royale* (Королевский Дом), *Roi* (Король) прописные буквы заменены строчными: *famille*, *maison*, *royale*, *roi*; удалено вступительное обращение, текст начинается словами: *Le 9 novembre, très loin d'ici...* (9 ноября, очень далеко отсюда...)); удалены также тире в начале абзацев; речь набрана курсивом. При этом слова *à votre pays*, пропущенные в финальном абзаце публикации в *ИП*, в тексте публикации в *NLAS* восстановлены не были.

Наиболее значительные исправления, внесенные в текст речи, сведены в нижеследующей таблице:

Таблица 5

«Иллюстрированная Россия» (04.04.1936)	“Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques” (04.12.1947)
dans une ancienne ville	dans une vieille ville
comme on le repète	comme on le répète
dans les cas analogues	dans des cas analogues
les émotions procurées par les joies	les émotions suscitées par les joies
je garderai toujours l'ineffaçable souvenir	je garderai toujours l'ineffable souvenir
Mais, très certainement, je puis affirmer extrêmement	Mais je puis très certainement affirmer extrêmement
du plus impartial des jurys — et aussi	du plus impartial des jurys, et aussi

²⁰ Журналистка, переводчица, актриса В. Вольман была женой актера и режиссера Г.М. Хмары, с которым И.А. и В.Н. Бунины были близко знакомы; переводила на французский язык произведения русских писателей, в том числе Бунина, А.П. Чехова и др. (см.: [7, с. 309]).

d'un triste égoïsme	d'un triste égoïsme
qui commençaient à pleuvoir	qui commençaient de pleuvoir
j'ai contracté	j'ai contracté
à votre Famille Royale	à votre famille royale
pour la Maison Royale de Suède	pour la maison royale de Suède
Sa Majesté le Roi, le Roi chevalier	Sa Majesté le roi, le roi chevalier
de Lui soumettre l'expression de ses sentiments	de Lui offrir l'expression de ses sentiments

Еще три года спустя Бунин создал на основе «Записей» очерк «Нобелевские дни», который вошел в книгу «Воспоминания» (Париж, 1950) [1, с. 261–272]. В «Нобелевских днях» речь на банкете Шведской академии приведена только по-русски (с. 270–272), и ее текст идентичен русскому тексту публикации в *ИР*. Единственное и притом мелкое разночтение связано с частицей *б* / *бы* в сочетании с союзным словом *ежели*: в «Записях» употреблена частица *б*: «Я был бы неискренен, ежели б сказал...»²¹; в «Нобелевских днях» — частица *бы*: «Я был бы неискренен, ежели бы сказал...» [1, с. 270].

Тогда же, в 1950 г., «Воспоминания» были выпущены по-французски в переводе Элен Бейан (Hélène Bayan)²² [11]. В этом издании, далеко не эквивалентном русскому изданию бунинской книги²³, очерк «Нобелевские дни» фигурирует под заглавием «Journées du Prix Nobel» («Дни Нобелевской премии») [11, р. 139–151]. Содержащийся в нем текст Нобелевской речи (р. 149–151) воспроизведен по публикации в *NLAS* — правда, с 13 незначительными поправками, которые коснулись преимущественно грамматики, пунктуации, орфографии, в меньшей степени — лексики и композиции.

²¹ Бунин Ив. Записи // Иллюстрированная Россия. 1936. № 15. 4 апреля. С. 4. В тексте в *ИР* эта частица напечатана через дефис с *ежели*: *ежели-б*.

²² Биографические данные этой переводчицы обнаружить не удалось. Известно только, что она переводила с русского и английского языков.

²³ Французское издание «Воспоминаний» («Mémoires») отличается от русского и по структуре, и по количеству и составу очерков. Так, в русском издании 17 очерков, во французском — 14. В книгу «Mémoires» не вошли очерки «Его высочество», «Семеновы и Бунины», «Эртель», «Маяковский», «Гегель, фрак, метель». В то же время присутствующие в ней очерки «Gogol et le fils de Pouchkine» («Гоголь и сын Пушкина») и «Le prince Kropotkine» («Князь Кропоткин») были вычленены из русского варианта «Автобиографических заметок». Эти последние представлены во французском издании «Воспоминаний» в существенно сокращенном виде. Порядок следования очерков в «Mémoires» тоже совсем другой, чем в «Воспоминаниях». Более подробный сравнительный анализ русского и французского изданий бунинской книги еще предстоит.

Кто был инициатором этих поправок — Бунин или Э. Бейан, — неизвестно, но нельзя не заметить, что благодаря некоторым исправлениям были восстановлены первоначальные варианты пунктуации и орфографии, представленные в текстах *АМ* и публикации в *ИР*:

Таблица 6

“Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques” (04.12.1947)	“Mémoires” (Paris, 1950)
de l’Académie suédoise	de l’Académie de Suède
les joies qui me sont échues	les joies qui me furent échues
comme presque tous les hommes et comme tous les auteurs	comme presque tous les hommes et tous les auteurs
du plus impartial des jurys, et aussi	du plus impartial des jurys et aussi
Messieurs de l’Académie	messieurs de l’Académie
dans la solitude et le silence de la nuit	dans le silence et la solitude de la nuit
Qui suis-je, en vérité?	Qui suis-je en vérité?
de la France, envers laquelle	de la France envers laquelle
et de mon œuvre je déclare ici	et de mon œuvre, je déclare ici
Il faut qu’il existe en effet dans le monde	Il faut qu’il existe dans le monde
la liberté de la pensée et la conscience: c’est à cette liberté	la liberté de la pensée et la conscience. C’est à cette liberté
Sa Majesté le roi, le roi chevalier	Sa Majesté le Roi, le roi chevalier
de Lui offrir l’expression de ses sentiments	de lui offrir l’expression de ses sentiments

Еще одно отличие текста Нобелевской речи во французском издании «Воспоминаний» от текста в *NLAS* заключается в том, что в книге “Mémoires” речь набрана прямым шрифтом и заключена в кавычки (причем открывающая кавычка стоит перед каждым абзацем, а закрывающая — в конце последнего абзаца); в публикации в *NLAS* кавычек нет.

Заключение

Среди рассмотренных текстов бунинской Нобелевской речи текстологический интерес представляют только *АМ* и тексты, подготовленные самим писателем.

Наличие *АМ* дает нам возможность не только с большой степенью точности установить подлинно авторский текст речи и устранить те ошибки, которые имеются, например, во французском тексте публикации в *ИР*, но и опубликовать Нобелевскую речь как отдель-

ное произведение — вне мемуарных очерков, в которые Бунин ее включал. И, на наш взгляд, именно текст *АМ* должен стать основным текстом такой публикации. В данном случае мы руководствуемся следующими соображениями:

Ни одна из неавторских публикаций речи (в «Сегодня», *APL* и *PuC*) не может быть привлечена в качестве основного текста по очевидной причине.

В то же время не может притязать на эту роль и ни один из авторских вариантов печатного текста Нобелевской речи, поскольку все они самим Буниным включены в более крупные литературные формы в качестве автоцитат — т. е., по сути, структурных элементов этих произведений. Извлекать тот или иной вариант речи из соответствующего бунинского очерка и превращать его в самостоятельную публикацию — нецелесообразно и неправомерно.

Нобелевскую речь следует печатать на французском языке по тексту *АМ*, с авторской датой и подписью, а также с подробным описанием в научном комментарии авторских помет (1933) и поправок (1936). Оригинальный текст должен сопровождаться качественным (т. е. адекватным и эквивалентным) и притом совершенно новым переводом на русский язык. В этом переводе надо будет учесть все лексико-стилевые и композиционные особенности подлинника. Использовать авторский перевод Нобелевской речи, представленный в «Записях» и «Нобелевских днях», — так же как неавторские переводы, напечатанные в «Сегодня», «Новом русском слове», *PuC* и «Русском в Аргентине», — на наш взгляд, можно лишь как своего рода литературные ориентиры.

В случае реализации предложенного нами решения Нобелевская речь займет в будущем Полном собрании сочинений и писем Бунина подобающее ей место среди других бунинских речей, которые дошли до нас в столь малом количестве²⁴.

²⁴ На сегодня известны тексты всего пяти речей писателя: «Речи на юбилей «Русских ведомостей»» (1913), приветственного слова в честь А.И. Деникина (1919), «Миссии русской эмиграции» (1924), Нобелевской речи (1933), «Слова о Пушкине» (1949), — причем последняя при жизни Бунина не печаталась; впервые ее опубликовал А. Седых в 1962 г. по автографу, который сейчас хранится в личном фонде журналиста в Архиве Йельского университета (США) [9, с. 220]. О других произведениях, в которых Бунин проявил себя как оратор, мы знаем только благодаря соответствующим публикациям в прессе и документальным свидетельствам в письмах, дневниках, воспоминаниях самого Бунина и его современников. В числе таких (по-видимому, утраченных) произведений — приветственная речь, произнесенная писателем 27 октября 1913 г. на чествовании И.Е. Репина в Москве, «Слово о Петре Великом», прозвучавшее 10 февраля 1925 г. в Сорбонне на собрании по случаю 200-летия со дня кончины Петра I, «Слово о Пушкине», прочитанное 31 января 1937 г. на заседании Союза русских дворян в Париже (см.: [4, с. 498–499; 8,

Литература

1. Бунин И. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. 274 с.
2. Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927–1934) / сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы; расшифр. и текстол. подгот. писем И.С. Шмелева, О.В. Лисицы. М.: Русская книга, 2000. Т. 1. 560 с.
3. Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М.: Московский рабочий, 1995. 410 с.
4. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2: 1910–1919. 1184 с.
5. Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Т. 110: И.А. Бунин: Новые материалы и исследования. Кн. 1. 1184 с.
6. Марченко Т.В. Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М.: Азбуковник, 2017. 671 с.
7. Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биограф. словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. Т. 1. 796 с.
8. Русское зарубежье: хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920–1940, Франция: в 4 т. / под общ. ред. Л.А. Мнухина. М.; Paris: Эксмо; УМСА-Press, 1995. Т. 1: 1920–1929. VI, 630 с.
9. Седых А. Далекие, близкие. New York: Новое русское слово, 1962. 265, 1 с.
10. Трибунский П.А. Собрание материалов И.А. Бунина в предвоенной Чехословакии // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, 2021–2022. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2022. С. 121–142.
11. Bounine I. Mémoires / trad. par H. Bayan. Paris: Calmann-Lévy, 1950. 180 p.

Research Article and Publication of Archival Documents

Ivan Bunin's Nobel Speech: The History and Studies of the Text

© 2024. Anton V. Bakuntsev, Sergey N. Morozov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The authors express their heartfelt gratitude for the assistance provided in the preparation of the article to the staff of the Russian State Library, M.I. Rudomino Russian State Library of Foreign Literature, the State Archive of the Russian Federation, as well as to Richard D. Davies (LRA).

Abstract: The article examines all the variants of Ivan Bunin's Nobel Speech in French and Russian that have been identified so far, created by both the writer and third parties in 1933–1950, while only authorized typewriting in French (1933).

с. 170]; С.Е. Пушкинские дни в Париже. Чествование памяти А.С. Пушкина в Союзе дворян // Иллюстрированная Россия. 1937. № 8. 13 февраля. С. 8).

The author's publications as part of the memoir essays "Recordings" (1936) are recognized as sources of its text, "Comment j'ai reçu le Prix Nobel" (How I Received the Nobel Prize, 1947), "Nobel Days" (1950), "Journées du Prix Nobel" (Nobel Prize Days, 1950). According to the authors of the article, the authorized typescript can be used as the main text in preparing the Nobel Speech for publication in the future Bunin's Complete Works and letters separately from the listed essays, i. e., as an independent work. The article uses the principles of historicism and comparative analysis as research methods.

Keywords: Ivan Bunin, Nobel Speech, French text, Russian text, authorized typewriting, author's publications, non-author's publications, textual studies.

Information about the authors: Anton V. Bakuntsev, PhD in Philology, Associate Professor, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7087-3235>

E-mail: auctor@list.ru

Sergey N. Morozov, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4986-3291>

E-mail: morozov.sn@yandex.ru

For citation: Bakuntsev, A. V., and S.N. Morozov. "Ivan Bunin's Nobel Speech: The History and Studies of the Text." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (33), 2024, pp. 213–242. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-213-242>

References

1. Bunin, I. *Vospominaniia* [Memories]. Paris, Vozrozhdenie Publ., 1950. 274 p. (In Russ.)
2. Il'in, I.A. *Sobranie sochinenii: Peregiska dvukh Ivanov (1927–1934)* [Collected Works: Correspondence of Two Ivans (1927–1934)], vol. 1, comp., introd. article and comm. by Iu.T. Lisitsa, transcription and textual prep. of letters by I.S. Shmelev and O.V. Lisitsa. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2000. 560 p. (In Russ.)
3. Kuznetsova, G.N. *Grasskii dnevnik. Rasskazy. Olivkovyi sad* [Grasse Diary. Stories. Olive Garden]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1995. 410 p. (In Russ.)
4. *Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [Chronicle of the Life and Work of I.A. Bunin], vol. 2: 1910–1919 [1910–1919], comp. by S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 1184 p. (In Russ.)
5. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 110: I.A. Bunin: Novye materialy i issledovaniia [I.A. Bunin: New Materials and Research], book 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 1184 p. (In Russ.)
6. Marchenko, T.V. *Russkaia literatura v zerkale Nobelevskoi premii* [Russian Literature in the Mirror of the Nobel Prize]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2017. 671 p. (In Russ.)
7. Mnukhin, L., M. Avriľ, and V. Losskaia, editors. *Rossiiskoe zarubezh'e vo Frantsii, 1919–2000: biograficheskii slovar': v 3 t.* [Russian Abroad in France, 1919–2000: Biographical Dictionary: in 3 vols.], vol. 1. Moscow, Nauka Publ., Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi Publ., 2008. 796 p. (In Russ.)

8. Mnukhin, L., editor. *Russkoe zarubezh'e: khronika nauchnoi, kul'turnoi i obshchestvennoi zhizni, 1920–1940, Frantsiia* [*Russian Abroad: Chronicle of Scientific, Cultural and Social Life, 1920–1940, France*], vol. 1: 1920–1929 [1920–1929]. Moscow, Paris, Eksmo Publ., YMCA-Press Publ., 1995. VI, 630 p. (In Russ.)
9. Sedykh, A. *Dalekie, blizkie* [*Distant, Near*]. New York, Novoe russkoe slovo Publ., 1962. 265, 1 p. (In Russ.)
10. Tribunskii, P.A. “Sobiranie materialov I.A. Bunina v predvoennoi Chekhoslovakii” [“Collecting Materials of I.A. Bunin in Pre-War Czechoslovakia”]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni A. Solzhenitsyna, 2021–2022* [*Yearbook of Alexander Solzhenitsyn Center of Russia Abroad, 2021–2022*]. Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center of Russia Abroad Publ., 2022, pp. 121–142. (In Russ.)
11. Bounine, Ivan. *Mémoires*, trad. par Hélène Bayan. Paris, Calmann-Lévy Publ., 1950. 180 p. (In French)

Статья поступила в редакцию: 16.03.2024
Одобрена после рецензирования: 18.05.2024
Дата публикации: 25.09.2024

The article was submitted: 16.03.2024
Approved after reviewing: 18.05.2024
Date of publication: 25.09.2024